

Что мне в них нравится, кроме всего прочего, так это чувство юмора. Васильев на вопрос «кто из вас пишет музыку, а кто слова?» признался, что у Иващенко плохо со стихами, так что это приходится делать без него. Иващенко не остался в долгу, добавив, что Васильев глух на одно ухо, так что музыку сочиняет он сам.

Алексей Иващенко и Георгий Васильев уже больше десяти лет поют свои песни на слетах исполнителей авторской песни и в концертных залах, и в институтах, и просто с друзьями.

С Алексеем Иващенко беседует корреспондент «ЭС».

ОБА ВМЕСТЕ

— Учился мы вместе в Московском университете на географическом факультете. Встретились в художественной самодеятельности, которая тогда цвела пышным цветом. После окончания МГУ проработал два года и решил поступать во ВГИК, но долго колебался. Сейчас ни капли не жалею, что поступил. Георгий после окончания университета работал в институте географии, в институте градостроительства, потом перешел в райисполком, оттуда в мэрию. Сейчас Гоша — на московской товарной бирже. В связи с этим я сочинил частушку «МТВ, МТВ, ты мэнь, я тэбэ». После вступления Гоши в должность мне на концерте пришла записка: «Как вы теперь относитесь к Васильеву?» Я ответил, что теперь отношусь к нему, как один к десяти.

А я состою в штате Театра-студии киноактера. Сейчас он раздражает противоречиями. Меня кормят ноги. Как на Западе. Озвучиваю Дональда в диснеевских мультфильмах. Как-то мы с Гошей ехали в Ленинград, и ночью он в ужасе проснулся оттого, что я рычал и кричал около его кровати: «Ш-шабак-ка!»

— Влияет ли ваша работа на появление на свет ваших песен?

— Конечно. Потому что основную часть дня я занимаюсь другими вещами: то озвучиваю индийское кино, то кричаю уткой, то занимаюсь ребенком, то мы с Гошей даем концерт.

— Чем можно объяснить интерес к вашим песням?

— Даже не могу сказать. Никогда не думал, что жанр авторской песни может привлекать такое количество активных зрителей. Ведь изначально авторская песня была песней для кухни, для узкого круга. Сейчас мы из этого круга вырвались. Появился новый жанр этой песни — авторская песня, поющая со сцены.

— При Московском городском центре авторской песни открываются мастерские авторской песни, где известные барды будут учить ребят стихосложению, сценическому искусству и многому другому. Как вам эта идея?

— Конечно, можно научить внешней стороне этого дела. Показать чисто технические приемы, рассказать, как держать себя перед зрителем. Это все замечательно, но не главное.

— Песни ваши поются «в народе», и многие да-

же не знают, что они ваши. Однажды я услышала разговор двух женщин: «Чей это был вчера концерт?» — «Михаила Щербакова». — «Это, тот, кто про Глафиру написал?» — «Он самый». Как вы относитесь к тому, что песни ваши поют часто на другой мотив, с другими словами?

— Это прекрасно. Значит, каждый находит в них что-то свое. Если песня становится бродячей, вдвойне приятно. Значит, в ней есть что-то такое, что при ее исполнении даже с другими словами и музыкой все же сохраняется.

— Почему вы в своих песнях так много поете о деньгах?

— Особенной любви к деньгам у нас нет. Как все их любят, так и мы. Когда-то друзья пошутили, что наши песни делятся на песни про еду, про деньги и про любовь. А мы ответили: «Так жизнь же из этого и состоит?»

— Действительно ли ваши романтические песни рождаются в таких прозаических местах, как кухня, где «холодильник пел ночные песни», или автобус, где «абонементные книжки и проездные билеты продаются водителем только на остановках»?

— Есть люди, которые могут сесть за стол и написать песню. Для меня песня — это идея. Когда есть идея, две строчки и мелодия, то я считаю песню готовой. Осталось ее только написать. Эта работа чаще всего техническая, а не творческая, поэтому больше десятка песен, у которых уже есть идеи, припевы, названия, но их невозможно закончить — руки не доходят. У Георгия по-другому. Он более трудолюбив в этом отношении.

Среди тех песен, которые мы поем вместе, приблизительно половина написана поодиночке. По поводу «общих» песен у нас возникает очень много споров, даже когда они уже написаны. Каждый считает себя специалистом и в словах, и в музыке. Мы шутим на концертах, что, кроме других положительных сторон нашего творчества, есть и эта: если песня, написанная Георгием Леонардовичем, удалась, то ее можно выдать за свою, а если моя не имеет успеха, всегда можно сослаться на коллегу по творчеству.

— Почему невозможно купить вашу пластинку «Вечный думатель»?

— После выхода пластинки ее переиздавали, по моему, семь раз. Мы не знаем, ни где, ни когда, да

и деньги, идущие авторам — около 1/10 копейки с пластинки, — нас особо не обременяют. Примерный тираж подошел уже к 100 тысячам.

— Не использовались ли ваши песни в кино?

— Этого ни разу не было, несмотря на то, что нам предлагали. Правда, в одной вгиковской работе была целая музыкальная разработка на тему моей песни, сделанная Артемом Артемьевым.

— Не практикуете ли вы сольные концерты?

— Мы пробовали выступать по одному, но это очень трудно. Один раз в Алма-Ате мне пришлось давать концерт без Гоши, и это было не самое большое удовольствие. В другой раз я в день концерта попал в больницу, и Гоша отдувался в одиночку. Нам друг без друга плохо.

— Кем, по мнению папы, будет ваша дочка, когда вырастет?

— Я вообще не могу себе представить, что Маша вырастет и станет взрослой, что она будет ходить, разговаривать. Мне кажется, это просто невероятным. Наверное, отдам ее в музыкальную школу. А в принципе я бы хотел, чтобы она училась в университете. Я остался патриотом МГУ и продолжаю считать, что это крупный научный и культурный центр. У нас даже песня есть, где поется: «когда выпадет со звоном мой последний стертый зуб, я к пилястрам и колоннам на карачках приползу. И с елейным песнопением, с целованием камней, я подохну на ступенях альма матери своей!»

— Не распадется ли ваш дуэт из-за того, что вы оба очень заняты, а Георгий Леонардович чуть ли не кочует на бирже?

— Если распадется, то не в связи с этим. Пока что нам очень нравится это дело, а когда мы его разлюбим, займемся чем-нибудь другим. Может, по дереву резать начнем. А вдруг перестанет писаться... что ж теперь — застрелиться?

Мария ШКОЛЬНИК.